

ЛЕКСИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СРЕДНЕСОСЬВИНСКИХ МАНСИ

В изучении обрядности большое значение придается лексике. Как отмечал И.С. Вдовин, необходимо выявление подлинных значений терминов, которые придаются им носителями языка, поскольку при использовании русской терминологии могут невольно искажаться понятия, представления о которых исследуются [Вдовин 1980: 25].

У северных манси лексика, связанная с уходом человека в иной мир, очень разнообразна:

- *хотталь сялтыс* ‘куда-то вошел’, ушел в какой-то иной мир, недоступный для живых;
- *мот ма нутыл минас* ‘на другую «землю» ушел’, ушел в другой мир;
- *сам та пали патыс* ‘ушел с глаз’, стал невидимым для глаз живущих;
- *ёлаль-патыс* ‘оказался «внизу»’, оказался в нижнем мире и др.

У среднесосьвинских манси обычно перед глаголом добавляется частица ‘*та*’, которая подчеркивает безысходность смерти, кончины человека, тогда это звучит так: *хотталь та сялтысакве; мот ма нутыл та минас; сам та пали та патысакве* и т.д.

Если человека при жизни любили, то к глаголу добавляется еще и суффикс субъективной оценки *-кве*, семантическая сущность которого обозначает вежливое, душевное отношение к усопшему: *хотталь та сялтысакве; мот ма нутыл та минасакве; сам та пали та патысакве* и т.д.

Иногда перед суффиксом *-кве* одновременно ставится и другой суффикс субъективной оценки *-рись*, с помощью которого хотят показать, что испытывают жалость по отношению к умершему: *сам та пали та патыс-рись-кве; мот ма нутыл та минас-рись-кве* и т.д.

Из болезни человек пару раз выбраться может, но смерти ему все равно не избежать. Наступает час, когда кончились дни, данные ему при рождении *Калтась сянь* (богиня, дарующая жизнь) [Карьялайнен 1994: 72].

О том, что *павылт* ‘в селении’ скоро умрет человек, заранее мог узнать *ванэ хотта* ‘знающий человек’. *Ванэ хотта* мог быть в каждом селении свой. В его силах было определить скорую кончину человека. О ней также мог узнать *матыр касалан хотта* ‘что-то (не все) видящий

человек'. Он мог увидеть, как душа в образе птицы (вороны, лебедя) улетает или уходит в сторону кладбища в своем человеческом облике на север либо *лоухаль* — вниз по течению реки. Как правило, при этом на *матыр касалан хотпа* находит страх.

По верованиям среднесосьвинских манси, перед смертью у человека уходит один *ис* 'душа', после кончины — второй *ис*, а затем уже так называемый *урт*, которую описывают в образе вороны, лебедя, гуся или вообще неопознанной птицы. *Урт* улетает вниз по течению реки. Некоторые люди иногда далеко от селения (как правило, после захода солнца) слышат голос того человека, кто должен умереть (или уже умер, а они еще этого не знают). Он кричит или поет, при этом напускает на слышащего страх: как будто *полям витыл сосаве* 'холодной водой обливают'.

Для того чтобы предотвратить смерть, среднесосьвинские манси могут обратиться к одному из важных семейных духов *Тэнэйнут* 'Едящее и пьющее существо'. Это *Куль бтыр* (он же *Хуль бтыр*) — хозяин нижнего мира. Роль его неоднозначна. Его можно отнести к злым духам. Чтобы человек выздоровел, в честь этого духа совершались кровавые жертвоприношения. По данным, полученным у среднесосьвинских манси, существуют еще *тонэ айнэ утыт* 'едящие и пьющие существа', предводителем которых является *Хуль бтыр*. Эти существа идут по *хён лёх* 'царской дороге'. При этом их хозяин *Хуль бтыр* едет верхом на коне, а они идут в образе или *пайтап* 'половинки берестяного кузова', или *анытап* 'половинки миски'. Если они приходят в какую-либо деревню, там начинаются болезни, мор [ПМА].

Если у среднесосьвинских манси в доме заболевает человек, то сразу же *сос косамтавес* 'чагу поджигают', т.е. окуривают чагой помещение. Важным предохранительным средством считается очищение жилища или определенного лица, для чего сжигаются *лалва* (бобровая струя), пенис оленя, пихтовая кора, нарости и грибы различных деревьев и т.д. [Карьялайнен 1994: 66]. Но эти действия не всегда приводят к желаемому результату, т.е. больной может и умереть.

Смерть у манси обозначают словом *сорм* (*сорум*). Про умершего говорят *сормен ёхтувес* 'его смерть за ним пришла', *сорумын патыс* — 'в смерть попал', *холас* 'умер'. Существует еще одно значение слова *хёлас* 'умер не своей (т.е. насильственной) смертью', 'сдох'. Данный термин *хёлас* больше относится к животному и растительному миру. По отношению к человеку чаще используют слово *холас* либо говорят *мот ма нутыл та минас* 'ушёл в иное (другое) место'. При этом могут добавить *нотэ парс* 'время, данное человеку на жизнь в этом мире, закончилось'.

У среднесосьвинских манси существуют еще и такие термины: *ёл акваг та ойвес* ‘навсегда заснул’, *атимыг емтыс* ‘стал невидимым’.

Наступление смерти определяли по прекращению дыхания, сердцебиения. В момент наступления смерти говорят *лылыепе та холас, та толматас* ‘дыхание закончилось, оборвалось’, *лылыеп тарсэ та то* ‘корень (ниточка) дыхания оборвался (оборвалась)’, *лылытэ таратас* ‘душу отпустил’ и т.д.

После того как наступила смерть, говорят о двух различных субстанциях: *алти-хар* (тело, физическая сущность) и — *йис, исхор* (душа, нематериальная субстанция, ‘души образ’, т.е. тень).

Про тело умершего говорят *алти-харе та польвес* ‘тело застыло’ либо *холам ут* ‘скончавшийся’, но ни в коем случае нельзя сказать *холам ут*. Это означало бы ‘сдохнувший’. Иногда говорят *сам та пали патыс* ‘стал для глаз невидимым’. Если человек в молодом возрасте «ходит» из «этой жизни», это означает, что он *йис тал, сомтал хотпа* ‘безвременно ушедший из жизни, без счастья проживший человек’. Здесь *йис* обозначает не только душу, но и срок, отведенный ему для жизни.

После смерти близкого человека родственники очень бережно относятся к одежде, в которой тот умер, к вещам, которые с ним непосредственно соприкасались: *лылы минам маснутанэ, нормасанэ* ‘одежда, в которой он был, когда душа его ушла’. Данные вещи имеют сакральное значение, их уносят в лес. Их нельзя путать с *эукварп* — вещами, которыми пользовался умерший, когда еще был здоров.

У всех северных манси, как только человек *лылытэ таратас* ‘дыхание испускал’ (умер), сразу же разводят огонь в очаге (из оставшихся углей, спичками желательно не пользоваться), ставят греть воду для обмывания умершего [Ромбандеева 1993: 100; ПМА]. Его кладут на пол вдоль половых досок ногами к дверям и начинают оплакивать *совау люньсь* (песня-плач).

После полуночи, когда остаются самые близкие родственники, начинают *ханлангкве* ‘прилипание’ (данное слово трудно переводится). Смысл этого действия в том, что «спрашивают» у умершего его желания, перед тем как навсегда он покинет свой дом. Ответы на вопросы может получить *матыр ванэ хотпа* ‘что-то знающий человек’, близкий родственник. *Ханлангкве* будут и в день похорон, перед выносом гроба из дома. Остановимся подробно на том, как же это происходит.

Йиве (гроб) ставится на две табуретки, вдоль него сверху посередине привязывается шест так, чтобы у изголовья усопшего можно было взяться человеку за конец шеста. ‘Что-то знающему человеку’ усопший начинает, как считается, передавать свои мысли, говорить то, что не ус-

пел сказать при жизни своим близким, может указать виновных в его кончине. Он (умерший) может «сообщить», какое животное (*төңхынг ман анытынг уй алунгкве* — ‘копытное или рогатое’) забить. Копытным в данном случае считается корова, а рогатым — олень.

Время, когда в деревне есть покойник, называется *йив унлуптан порат* ‘период выстаивания гроба (с умершим)’, его еще не похоронили. В других домах на ночь у порога кладут *хоссун ос тивталап* (*тивтхат-нэ ахвас*) — ‘метлу и точило (точильный брускок)’, чтобы ночью дух усопшего не беспокоил эту семью.

Северные манси кладбище называют *савынгкан* ‘место печали’, *сам-вит соснэ ма* ‘место льющихся слез’, *савынг ма* ‘земля печали’, *сорум патум маxум ма* ‘земля умерших людей’, *хотталь сялтум маxум ма* ‘куда-то исчезнувших людей земля’.

Манси в конце XIX — начале XX в. хоронили в неглубоких могилах («могила глубиной только в гроб») либо гроб ставили прямо на землю. Над могилой сооружали деревянный домик, который назывался *сонам*.

У среднесосьвинских манси с середины XX в. надмогильное сооружение имело двускатную крышу, которую до 60–70-х годов также покрывали полотнами бересты. Позднее стали использовать рубероид [ПМА]. *Сонам* имеет небольшое четырехугольное отверстие, которое родственники могут открывать при посещении могилы. В него кладут какие-то угощения, спички и папиросы, табак. Отверстие называется *катас* ‘отверстие для руки’.

Четвертый день после кончины — *пунк ловтнэ хотал*, ‘день мытья головы’. В этот день на кладбище не ходят.

До настоящего времени среднесосьвинские манси изготавлиают изображение (куклу) умершего — *иттырм’у*. Это фигура из дерева, которую одевают и кормят. Считается, что в нее вселяется душа умершего.

По данным, полученным у среднесосьвинских манси, сначала душа умершего *йис* отправляется в место под названием *Хоманёл* ‘Отвесный (кругой) мыс’. *Хоманёл* расположен на Севере, точнее на берегу Обской губы (по другим сведениям — на берегу Северного Ледовитого океана). Часть этой местности уходит вниз, под землю. Души тех, у кого были грехи, уходят вниз в подземный мир. Душа, которая остается наверху, после совершения обряда *ат пеламтаве* ‘сжигание волос’, улетает *янг-кинг сярысь ултта* ‘через ледовитое море’ (вероятно, подразумевается Обская губа) в теплые края.

Весной или в начале лета, когда прилетают утки, родственники умершего собираются вместе, чтобы совершить еще один обряд — проводов души умершего — и *ат пеламтэгыт* ‘сжигают волосы’.

Итак, мы рассмотрели основную лексику, связанную с погребальной обрядностью среднесосьвинских манси. Но наряду с этим существует целый пласт лексики и среднесосьвинских манси, и манси других территориальных групп, семантика которой еще не раскрыта.

Библиография

- Вдовин И.С. Актуальные проблемы этнографии аборигенного населения Сибири и Севера // Этнографические аспекты изучения современности. Л., 1980. С. 16–28.
Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1994. Т. I.
Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993.

Ю.И. Ожередов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПОЗНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕЛЬКУПОВ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ

Исследования погребального обряда позднесредневековых нарымских или южных селькупов, начатые в 1950-е годы А.П. Дульзоном, с разной степенью интенсивности ведутся до наших дней. Материалы достаточно большого количества изученных погребений, приуроченных к прежним территориям проживания той или иной из восьми локально-диалектных групп, казалось бы, позволяют составить если не и абсолютное, то в должной мере полное представление о процедуре и семантике обряда. Вместе с тем проявление ранее неизвестных деталей требует к себе особого внимания. Представляется, что разного рода особенности, открывающиеся время от времени в ходе раскопок, обусловлены этноспецификой локальных групп. По этнографическим данным, каждая из них в культурном аспекте консолидирована из разных, по преимуществу пришлых этнических, а следовательно и культурных составляющих [Пелих 1972: 93–107; 1981: 11].

Как теперь установлено, погребальный обряд палеоселькупов отличается необыкновенным разнообразием способов отправления умерших в потусторонний мир. Принципиальным различием стало наличие грунтовых и наземных подкурганных захоронений, причем распространение курганов на север ограничивается широтой обских притоков Васюгана слева и Тыма справа. На этих реках подкурганный обряд уже не исполь-